

ЭДУАРД
КАТЛАС

АКРЕНОР

ДЕВЯТАЯ КРЕПОСТЬ
ЧЕСТЬ ТВОЕГО ВРАГА
ПРАВО НА ПОРАЖЕНИЕ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К29

Серия «БФ-коллекция»

Оформление *Владимира Ненова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

К29 Катлас, Эдуард

Акренор: Девятая крепость. Честь твоего врага. Право на поражение: сборник / Эдуард Катлас. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 848 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-111096-3

Акренор. Затерянное королевство фронта, где война — обыденность, а мир — только мечта. В тех местах маги могут играть сущностью вещей, а воины — становиться бессмертными. Колдуны поднимают мертвых из могил, а древние демоны сражаются на стороне живых. Клинок дороже денег, прочность крепостных стен важнее убранства покоев.

И каждый вздох важен, потому что может оказаться последним. Каждый рассвет встречают молитвами, ведь он мог и не наступить.

Что делать, когда нет надежды? Надо собрать лучших. Снарядить. Отдать приказ. Дать цель.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111096-3

© Эдуард Катлас, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ДЕВЯТАЯ КРЕПОСТЬ

— Так мы созданы, те двое из нас, которые еще остались. Большие грязные полотенца, колышущиеся в небе. И не бойтесь: человек рядом с вами — наш друг.

— Но третий не был ни моим другом, ни другом всего человечества, — сказал Максвелл. — Он продал нас.

— И все-таки ты сидел с ним, когда остальные не захотели прийти.

— Да. Это долг, который следует отдавать даже злейшему врагу.

— Значит, — сказал баньши, — ты способен что-то понять.

Клиффорд Саймак. Заповедник Гоблинов

Пролог

Стены помнили. Память — это все, что оставалось у обвалившихся руин, зараставших травой. Забвение — для живых, мертвые же стены не забывали. Обваливаясь, проигрывая в битве с травой камень за камнем, они продолжали помнить.

Стенам оставили только память, и ничего больше. Память о каждом человеке из тысяч, погребенных под ними. Память о каждом ржавом мече, который лежал под слоем земли. Стены помнили эти мечи молодыми, остро отточенными и смертоносными. Они помнили кровь на этих мечах, помнили, как эти мечи сжимали живые руки. Помнили, как эти же руки, но уже холодные, по-прежнему сжимали оружие, как будто продолжая незримый бой по ту сторону вечности. Помнили, как железо превращалось в ржавчину, а живая плоть — в забытый всеми прах.

Стены, снесенные до основания, не грустили о временах, когда они гордо возвышались над лесом, когда вокруг них жили, воевали и умирали. Грусть — для живых. Стенам было позволено только помнить. Помнить о колдовстве, вырывающем души из сотен тел и крушащем здания и башни. Помнить о храбрости, с которой умирали их защитники. Помнить ярость битвы и крики умирающих. Помнить каждую мысль и каждый вздох тех, кто ушел.

Стены не надеялись отдать свою память потомкам. Надежда — для живых. Стены могли только хранить память. Хранить память даже о том, о чем не мог помнить никто, кроме них.

Стены не желали менять предназначение. Желание — для живых. Они равнодушно сдавались в поединке со временем, уходя из реальности. Трава забвения, хладнокровный воин вечности, неумолимо пожедала руины, которые уже некому было защищать.

Стены стояли, как символ двух извечных врагов. Памяти и Забвения.

Часть первая

СИГНАЛ СБОРА

Весна была ранняя. Ручьи журчали на серых после зимы холмах, понемногу смывая почву с тех мест, где через сотни лет будут пролегать глубокие овраги. Из уставшей под снегом земли там и здесь пробивалась зелень, готовая к новому витку борьбы за выживание.

Крепость стояла на одном из холмов. Она была небольшая, но высоты ее стен всегда оказывалось достаточно для отражения набегов диких кочевых племен, не обладающих навыками длительной изнуряющей осады и умением создавать осадные орудия. Да и холм был высокий, у большинства кочевников охота воевать пропадала сразу после того, как они достигали вершины.

Если бы вся служба заключалась только в периодических выходах на стены крепости и торжественном рассматривании окрестностей, то это было бы самое спокойное место для регулярных королевских пехотинцев. Так думал молодой воин, неспешно прохаживающийся по западной стене крепости. Но служба этим не ограничивалась — наоборот, это считалось наиболее простой ее частью. Большую часть времени каждый пехотинец проводил во внешнем патрулировании той незримой черты, которая считалась границей королевства. Эта линия давно оставалась только на картах, ведь никакого другого государства, с которым можно было бы договориться о том, где проходит граница, не существовало. По ту сторону находились в основном кочевники, для которых понятие границы было пустым звуком. Как, к сожалению, и для поселенцев, с каждым годом все глубже и глубже проникавших на незащищенные территории. Поселенцы оставались бесстрашными только до первой встречи с кочевниками. Те из них, кто выживал после подобных встреч, становились испуганными надолго. Испуганными и обозленными — не на свою самоуверенность и глупость и даже не на кочевников, а более всего на королевских пехотинцев, которые не спасли их от несчастья.

Так что большую часть службы Рем носился со своим подразделением по холмам, пытаясь перехватить очередную группу всадников, решивших улучшить свое благосостояние за счет крохотных пограничных деревушек.

За подобными размышлениями подошло к концу время вахты на стенах, и, сменившись, Рем поспешил на кухню. Он уже почти прошел через весь крепостной двор, отделявший желаемую цель от казарм, когда заметил у входа на кухню капитана, задумчиво осматривающего

окрестности. Все пехотинцы, достаточно хорошо знавшие своего командира, так же хорошо знали и этот взгляд. Такой взгляд означал одно — у капитана есть неприятная работенка, но он пока не решил, на кого ее скинуть. Рем мечтал немного иначе провести время, свободное от караулов, поэтому постарался резко изменить направление и избежать взгляда командира. Но было поздно.

— Пехотинец Рем! — рявкнул капитан. Рем застыл на месте, про себя молясь всем известным ему богам, чтобы хоть на этот раз он ошибся в намерениях капитана. — Вас-то я и искал, пехотинец. Судя по всему, вы направлялись в сторону кухни. Ну что же, мне тоже не грех перекусить. Давайте за мной.

— Сегодня посыльный доставил приказ. С самого верха, — капитан говорил отрывисто, стараясь выдать максимум сведений в промежутках между пережевыванием окорока и заливанием внутрь эля, который благосклонно выставил на стол повар, увидев начальство. — Теперь они решили, что нам надо помочь с подготовкой. Велено выделить хотя бы по одному пехотинцу от каждой крепости и отправить на дополнительное обучение. — Капитан хмыкнул. — Маршалы решили поучить нас рукопашной. Велено отбирать из лучших. Но опытных я не отдам, а из молодежи ты самый резвый.

Рем медленно начал понимать, к чему клонит капитан. Ну что ж, с одной стороны — ему придется на несколько месяцев оставить ставшую уже вторым домом крепость, но с другой — сегодня не нужно будет помогать конюхам, чего он больше всего боялся с того момента, когда полчаса назад увидел остановившийся на нем взгляд капитана.

— Так что поутру и отправишься. Возьми коня, рацион, и чтобы по дороге нигде не задерживался. На подходе караван, у них есть несколько мечников в охране. Наемники, но все лучше, чем одному. Вот с ними и пойдешь. Доберешься до Ледера, там отапортуешь страже, найдешь промежуточный пункт сбора. Да, и вот еще что — возьмут не всех, там же будут отбирать, проверки устраивать, так что смотри, крепость не позорь.

К середине дня караван перевалил за цепь невысоких холмов, окружающих Ледер. По меркам пограничного воина, город был защищен слабо. Невысокие стены, предназначенные скорее для того, чтобы обозначить городскую черту, нежели для удержания города во время серьезной осады, обвалившийся, почти засыпанный ров — Ледер никогда не строился как пункт обороны, просто это была удобная точка сбора податей с торговцев, развилка дорог, постепенно разросшаяся до размеров города. Если бы кочевые племена востока не находились в посто-

янных конфликтах друг с другом и умели хотя бы иногда объединяться, тогда здесь стояла бы полноценная крепость. В отсутствие же серьезной внешней угрозы этого хватало.

Подойдя к восточным воротам, Рем попрощался со своими попутчиками и двинулся к стражникам. Какой была крепость, такими были и стражники. Для начала — они... сидели. Сидели, небрежно развалясь, как будто не на посту, а в казарме. У капитана был бы удар, мысленно усмехнулся Рем, подходя к воротам.

— День добрый, служивые. — Он приветственно махнул рукой.

— И тебе пограниц, день добрый. Помочь чем? Небось, на сбор?

— Точно, туда. Что, много народу собирается? — поинтересовался Рем.

— Да как тебе сказать... Собирается много, у нас вот многих брали. Он вот ходил. — Стражник махнул рукой на молчащего соседа. — Да только берут не всех. Некоторые неделю добирались и на второй день уже в обратный путь собрались... Ну, ты иди, может Локо к тебе повернется. Хотя удача это или нет — не угадаешь. Всем говорят, что на обучение собирают народ, да только не больно-то верится. Как бы в смертнички не попасть.

— Тебе к казармам, — оборвал его второй стражник, — по этой улице до конца и налево, там спросишь. Пусть бог удачи последит за тобой.

— Ну что же, посмотрим, кто из вас чего стоит. — Грузный немолодой усач расхаживал перед строем из пяти воинов, прибывших за последние сутки.

— Каким оружием лучше всего владеешь? — Он подошел к крайнему, худощавому высокому блондину, явно уроженцу северных провинций.

— Лук, сэр, длинный лук.

— Ну, вот с тебя и начнем. Кто-нибудь еще считает, что лучше всего умеет владеть луком? Никто? Тогда ты один — вперед, мишень пятьдесят шагов, десять стрел, можешь не спешить.

Рем всегда восхищался лучниками. Сам он луком владел неважно, иногда ему приходилось пользоваться арбалетом, и, хотя с ним многие бы могли поспорить, считал, что арбалет значительно проще в применении, чем лук.

Лучник подошел к рубежу и одним плавным движением вытащил стрелу из колчана, наложил ее на тетиву и выпустил в цель. Красиво, подумал Рем. Однако стрела ушла достаточно сильно вправо и едва попала в установленную мишень, далеко от ее центра.

— Я же сказал, можешь не спешить, — рывкнул усач.

Вторая стрела ушла выше мишени, зарывшись в стоящий за нею стог, зато третья и четвертая легли практически точно в центр мише-

ни. С разной долей успеха выпустив все десять стрел, лучник отступил с рубежа. В мишень попало семь стрел, и только три из них можно было считать выпущенными успешно.

Наш капитан за такую стрельбу заставил бы полдня чистить коношни, а потом еще столько же тренироваться на мишенях, усмехнулся про себя Рем. Все-таки жизнь в пограничной крепости сказывалась на подготовке.

— Все ясно, сынок, можем не продолжать. — Усач покачал головой. — Возвращайся в свои казармы, доложишься командиру и передашь ему, чтобы он побольше занимался твоей подготовкой. Ну а вы? — обратился он к остальным. — Все считаете себя мастерами клинка? — Вопрос явно не предполагал ответа, поэтому строй из оставшихся четырех солдат промолчал. — Тогда выбирайте из этих деревяшек то, что вам больше по вкусу.

Усач махнул рукой в сторону оружейной полки, на которой висели разнообразные деревянные муляжи. Рем выбрал средней длины деревянный меч и вернулся в строй.

— Не надо прыгать выше головы, просто покажите мне, что вы умеете. Если хотите, можете пользоваться щитами. Разбились на пары и начали.

Рему достался противник с двуручным мечом. Поскольку мечи были деревянными, Рем мог себе позволить парировать удары более мощного оружия противника, на что вряд ли бы решился, если бы оба сражались боевым оружием. Но и противник имел свое преимущество — деревянный меч, который он держал в руках, был значительно легче настоящего двуручного, и потому его не так заносило. На измор не возьмешь, и следовало ожидать совершенно невозможных с боевым оружием движений.

Если он тренировался с боевым оружием, то не будет ничего выдумывать, попытается просто пробить насквозь мою оборону, подумал Рем. Ему вспомнился капитан, обучавший его мечу с пятнадцати лет.

— Помните, воины, — говорил он, — мы не в столице королевства, не на турнире и не красуемся перед девицами. Мы на границе. Мне не нужно от вас красивых движений, мне нужен от вас один удар на одного врага. В реальных столкновениях второго у вас чаще всего не бывает. Ваша цель не махать мечом, ваша цель убивать.

Соперник Рема сделал широкий замах и провел сокрушительный удар сверху. Вместо того чтобы отступить, Рем поднырнул вперед и в сторону, отведя двуручник щитом, и выбросил вперед руку с мечом. Двуручник соскользнул со щита, а соперник наткнулся животом на острие деревянного меча Рема. В реальном бою эта рана была бы смертельной...

— Достаточно! — остановил их всех окрик усача через полчаса. — Вы двое — свободны, возвращайтесь к своим командирам. Вы же, — он взглянул на Рема и на второго тяжело дышащего воина, — отпарторуйте начальнику гарнизона, он вас разместит и найдет чем занять, чтобы вы, не дай Крухт, не заскучали. Выступаем через неделю.

Король

— Чего вы добиваетесь, ваше величество?

— Чего я добиваюсь? — Королевская особа взорвалась в приступе гнева. — Чего я добиваюсь? Вы что, ничего не замечаете? Третье поколение королевство загнивает. Если так пойдет и дальше, то моим внукам нечем будет править. Народ нищает, люди гибнут на границах тысячами, армия не успевает латать дыры. Пора признать, господа, что наше королевство медленно, но верно затягивает в трясиину. И напоминаю, что у нас с вами существуют не только права, данные нам кровью, но и обязанности перед нашим народом.

Мы практически оторваны от соседних королевств. Чтобы провести караван от наших границ до крепостей Поцерона на востоке, приходится посылать сотню конных рыцарей. Купцы не ездят туда больше двух лет, несмотря на все барыши, которые им это сулит. Кочевники не идут на уговоры, с ними вообще невозможно разговаривать — они понимают только язык меча. Пираты в южных морях скоро станут грабить сами себя, так много их стало. Мы потеряли бухту Туманов, город сожжен дотла при последнем рейде пиратов пять лет назад. И у нас нет ни людей, ни денег, чтобы его отстроить. Клевер остается единственным портовым городом на южном берегу, и он нищает с каждым годом, потому что купцы боятся выходить в море. В Клевере нет даже флота, чтобы гоняться за пиратами, я даже не думаю о чем-либо более серьезном.

На западе орки вырезают всех, до кого у них дотягиваются руки. Восемь крепостей едва выдерживают их набеги, которые стали почти ежегодными. Напомнить вам, что еще несколько поколений назад была и девятая крепость? — Король устало облокотился на стол и бросил хмурый взгляд на северное окно. — И никто не может сказать, что происходит на севере.

— Мы разделяем ваше горе, мой государь, — осторожно начал З'Вентус, придворный волшебник.

Младшая сестра короля еще до его вступления на престол была выдана за наследного принца северного королевства. При дворе с этим связывали определенные надежды по укреплению отношений с Сунарой.

Но не прошло и двух лет после свадьбы, когда перевалы завалило. За десятилетие ни один следопыт не сумел пробраться через горы, а если и сумел, то не вернулся. Действительно никто не мог сказать, что сейчас творится в северном королевстве. Однако З'Вентус предполагал, что проблемы не ограничиваются только невозможностью связи. Он неоднократно делал визиты в северные владения королевства и одно мог сказать наверняка — заваленные перевалы явно рукотворны, и это были руки, знающие магию.

Однако этими предположениями волшебник не спешил делиться с королем, не желая убивать у него надежду когда-нибудь увидеть сестру.

— Мы полностью разделяем ваше горе, государь, — повторил старик. — Думаю, все присутствующие разделяют ваше мнение... Однако хотелось бы обсудить меры, которые могли бы предотвратить дальнейшее... мм... негативное развитие событий.

На ноги вскочил военный советник.

— Я предлагаю, ваше величество...

— Сядьте, Людвиг, — почти равнодушно произнес король, — мы отлично знаем все, что вы можете предложить. И мы отлично знаем ответ главного казначея на все ваши планы: у нас нет денег на подобное увеличение армии. Если мы еще поднимем налоги, то вся армия будет заниматься только подавлением бунтов.

— А на что мы их тратим? — раздался негромкий голос с конца стола. В течение всего совета младший сын короля сидел в дальнем конце стола и, казалось, дремал.

— Мы тратим их на армию, почти все, ты отлично это знаешь, Денис. Если ты хочешь что-то сказать — говори, не темни.

— Мы обсуждаем, как разом решить все наши проблемы. — На этот раз Денис, семнадцатилетний светловолосый юноша, встал и пошел вдоль стола по направлению к трону отца. — Мы их не решим таким образом. Мы должны обсуждать не это, мы должны думать, что можем сделать с минимальными затратами, дав максимум пользы королевству. Если мы не способны уничтожить наши беды все сразу, давайте разбираться с ними по очереди.

— Денис, я по-прежнему тебя не понимаю. — Король нетерпеливо забарабанил пальцами по столу.

— Хорошо, приведу один маленький пример. Сколько времени необходимо каравану, чтобы добраться от столицы до Клевера?

— Летом пять недель, — вступил в разговор казначей. — Три недели на сплав и еще две, чтобы обойти Лес Чар. А зимой караваны туда и не ходят.

— Почему мы обходим Лес Чар? По реке караваны добирались бы значительно быстрее.

— Всем известно почему — лесной народ не пропускает наши караваны. И при чем здесь вообще длительность пути до Клевера?

— Если бы караваны доходили до Клевера за три недели, — ответил за Дениса казначей, — то торговля бы оживилась.

— Но нам не хватит всей нашей армии, чтобы уничтожить народ леса. В летописях описаны такие попытки. — Король забарабанил пальцами по столу. — Тогда целая армия огнем, мечом и топором пыталась пробиться через лес.

— В летописях также сказано, из-за чего началась та война. Из-за недопонимания, если говорить простым языком.

— Как это решает наши проблемы?

— Все — никак. Но, как я уже сказал, нам пора забыть о том, что можно справиться со всеми проблемами разом. Давайте разрешать их одну за другой. Не пора ли для начала помириться с народом леса?

— Хорошо бы. Кто же может быть против мира с соседями? Но что мы им предложим?

— Позвольте мне, отец. Я хотел бы этим заняться. А по поводу того, что им предложить, у меня есть пара идей, но думаю, что мы сможем обсудить это отдельно...

— Хорошо, тогда все на сегодня. Или у кого-нибудь есть, что еще сказать? — напоследок поинтересовался король.

— Отец, с вашего позволения... — На этот раз встал старший сын, Грегор. — За последний год мне пришлось много бывать в разных гарнизонах королевства. В основном на западе и юге. Уважаемый господин военный советник, как вы знаете, часто сопровождал меня в этих путешествиях, так что он сможет подтвердить мои слова... Помимо упомянутой малочисленности наших армий, которая не позволяет нам... не позволяет нам сделать практически ничего, хотелось бы также упомянуть достаточно плохое обеспечение вооружением. Война — это дорогое удовольствие, господа. Чтобы вооружить и содержать одного конного рыцаря, нам приходится немало опустошать казну. Ни один пограничный барон не может себе позволить содержать больше сотни мечей. И смею вас уверить, господа, что я не видел полноценно вооруженных солдат ни у одного барона границы. Но несмотря на то, что все это не может не вызывать серьезного беспокойства, меня волнует также и уровень подготовки наших войск. Даже на границах значительная часть армии — бывшие ополченцы и зеленые новобранцы, едва знающие, с какого конца брать меч.

Я бы хотел этим заняться. При незначительных, — принц махнул рукой в сторону казначея, — затратах мы могли бы поднять уровень подготовки наших солдат. Нам пора также задуматься о создании элитных подразделений для проведения сложных операций.

Маг

— Ваши ученики ждут в библиотеке, высокочтимый. — Паж склонился в глубоком поклоне и упорно не хотел возвращаться в нормальное положение. Мальчишке явно кто-то недавно нашептал, что волшебники могут заколдовывать взглядом, — почти неделю он старался не встречаться глазами с придворным магом.

З'Вентус недовольно поморщился и тяжело поднялся с кресла. Ученики были его вечной головной болью. Чтобы сделать что-нибудь пристойное из одаренного юноши, требовались десятки лет, и лишь единицы выдерживали и не бросали обучение раньше. Но проблема заключалась в другом: даже после обучения, которое могло занять полвека, только один из многих сотен учеников мог стать магом, а не балаганным фокусником.

Тридцать лет назад, когда стало ясно, что количество волшебников в королевстве катастрофически уменьшается, отец нынешнего короля потребовал от магов увеличить количество учеников. Настоящий маг может жить долго, очень долго, затрачивая часть магической энергии на непрерывное омоложение, но даже настоящие маги легко умирают от ножа в спину, от ядовитого шаманства орков или по собственной вине, проводя опасные эксперименты. А в условиях непрерывной войны на границах этот вопрос встал особенно остро. Когда пала девятая крепость, вместе с оборонявшими ее воинами погибли восемь магов, пытавшихся защитить город от орочьих шаманов.

Осознав, что племя магов в стране просто-напросто вырождается, король собрал тот злополучный совет, на котором убедил волшебников, что количество учеников должно быть увеличено. И сейчас вместо одного положенного ученика у З'Вентуса была целая дюжина. Но количество не означало качество.

— Девять беременных женщин не родят ребенка за один месяц, — пробормотал З'Вентус, спускаясь по лестнице в библиотеку.

Не то чтобы ему не нравились ученики, но они отнимали слишком много времени от его занятий, и мысли о том, что в лучшем случае лишь один-два из них заслужат право называться магом, не прибавляли энтузиазма.

З'Вентус оправил мантию и отворил дверь в библиотеку.

— На последнем занятии, — начал он, еще только входя в библиотеку, — мы повторяли с вами магию воздуха. Считается, что магии стихий наиболее доступны шаманам орков. Мы же достаточно ограниченно владеем подобными заклинаниями, требующими значительных затрат магической энергии в течение длительного времени. Я просил вас тщательно выполнить вашу домашнюю работу. Посмотрим, получилось ли у кого-нибудь, — с этими словами учитель распахнул окно, прямо